

патриотическому, эстетическому, трудовому воспитанию. Фольклор как средство воспитания содержит огромный воспитательный потенциал, который необходимо применять в современной учебно-воспитательной практике.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В перспективе крымскотатарский фольклор в школе должен стать неотъемлемой частичкой каждого занятия: будь то родной язык или математика, ИЗО, физкультура, экология или любая другая деятельность детей. Но для этого необходимо решить следующие проблемы:

1. Сбор крымскотатарского фольклора, который значительно утерян в годы депортации;

2. Вооружение студентов – будущих педагогов фольклорным материалом;

3. Разработка методики применения знаний об устном народном творчестве в учебно-воспитательном процессе.

Только тогда фольклор как средство воспитания сможет восстановлению нравственного и личностного смысла образования, осуществлению воспитания человеческих качеств на основе богатой духовной воспитательной традиции народа и сохранению национального самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Измайлов А. Э. Народная педагогика: Педагогические идеи народов Средней Азии и Казахстана / А. Э. Измайлов. М. : Педагогика, 1991. 256 с.

2. Хайрулдинов М. А. Этнопедагогика крымскотатарского народа: Монография / М. А. Хайрулдинов. К. : Наук. світ, 2002. 335 с.

3. Абибуллаева Э. Э. Дидактическая система И. Гаспринского : дис. ... канд. пед. наук : 13.01.01 / Абибуллаева Энисе Эдемовна; Институт педагогики АПН Украины. К., 2004. 206 с.: Библиогр. : с. 168–183.

4. Зарединова Э. Р. Формирование нравственно-ценностных взаимоотношений родителей и детей младшего школьного возраста в современной крымскотатарской семье : дис... канд. пед. наук: 13.00.07 / Зарединова Эльвира Рифатовна; Институт проблем воспитания АПН Украины. К., 2004. 253 л. Библиогр.: л. 178–203.

5. Кадилова Л. И. Моральне виховання дітей старшого дошкільного віку на традиціях етнопедагогіки кримських татар : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.08 «дошкільна педагогіка» / Левіза Іловівна Кадилова; Південноукраїнський національний педагогічний ун-т ім. К.Д.Ушинського. О., 2009. 20с.

6. Мустафаева З. И. Воспитание дошкольников средствами этнопедагогике в крымскотатарских семьях: дис ... канд. пед. наук : 13.00.08. / Мустафаева Зюре Исмаиловна. К., 2001. 199 с. Библиогр.: с.159–179.

7. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1 / В. Х. Кондараки. Николаев : Типография В.М. Краевского, 1873. 249 с.

8. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 9 / В. Х. Кондараки. СПб. : Тип. В. Веллинса, 1875.

105 с.

9. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 10 / В. Х. Кондараки. СПб. : Тип. В. Веллинса, 1875. 78 с.

10. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 11 / В. Х. Кондараки. СПб. : Тип. В. Веллинса, 1875. 87 с.

11. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 13 / В. Х. Кондараки. СПб. : Тип. В. Веллинса, 1875. 151 с.

12. Кондараки В. Х. Этнография Тавриды. Т.2. / В. Х. Кондараки. М., 1883. 358 с.

13. Боданинский А. А. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар / А. А. Боданинский; под ред. А. Н. Самойловича и А. А. Фалеева // Известия ученой арх. комиссии. Симферополь. 1915. вып. 52. С. 1–67.

14. Сказки и легенды татар Крыма / [вступ. статья С. Д. Коцюбинского]. – Симферополь : Госиздат. Крым. АССР, 1936. 352 с.

15. Прислів'я і приказки (Пареміологічний словник кримськотатарської мови) / Шевкет Асанов. – Симферополь : Кр. навч.-пед. держ. видавництво, 2002. 184 с. Кримськотатарською мовою.

16. Бекиров Д. Бала фольклору / Д. Бекиров. – Симферополь : Таврия, 1993. 111 с. [На крымскотатарском языке].

17. Бекиров Д. Къырым халкъ агъыз яратыджылыгы / Д. Бекиров. Ташкент : Укитувчи, 1988. 203 с. [На крымскотатарском языке].

18. Татар халкъ масаллары = Татарские народные сказки / сост.: Р. Тынчеров, Ю. Булат. Ташкент : Девлет нефис эдебият нешрияти, 1959. 260 с.

19. Сказки и легенды крымских татар / сост. А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. Симферополь : Дар, 1991. 160 с.

20. Легенды Крыма / сост. Г. Таран; [предисловие М. Ф. Рыльского]. 10-е изд. перераб. и доп. Симферополь : Таврия, 1974. 176 с.

21. Къайда бирлик, анда тирлик. Къырымтатар аталар сезлери (Крымскотатарские пословицы) / сост. Р. Фазыл. – Ташкент : Изд-во им. Г. Гуляма, 1971. 192 с.

22. Звучит кайтарма = Янърай къайтарма. Татарские народные песни и инструментальные наигрыши / [сост. Ягъя Шерфединов; ред. и послесловие Л. Н. Лебединского]. Ташкент : Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1978. 232 с.

23. Хрестоматия по музыке крымских татар для учащихся ООШ / сост. Д. Н. Эннанов, В.В. Угринович. Киев : Музыка Украины, 1989. 246 с.

24. Волков Г.Н. Этнопедагогика / Г.Н. Волков. М. : Академия, 2000. 176 с.

25. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли) : уч. пос. / Д.И. Латышина – М. : Гардарики, 2002. 603 с.

26. Сухомлинский В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский; [сост. и авт. вступит. очерков С. Соловейчик]. 2-е изд. М. : Политиздат, 1975. 272 с.

27. Крымскотатарская энциклопедия / [авт.-сост. Р. Музафаров]. Симферополь : Ватан, 1993. Т. 1. 1993. 426 с.

Abstract. The article deals with the Crimean Tatar folklore as a means of educating the younger generation. Folklore refers to ethnopedagogical means of promoting not only love towards the native language, but it also contributes to development of personal qualities and competencies.

Folklore of the Crimean Tatar people contains a variety of proverbs, tongue twisters and riddles, songs and recitations, tales and legends, stories and epics. Folcloric works contain elements of ancient Turkic Muslim stories and beliefs. The characters are unique and non-plain: historical (Mengli Giray, Sultan Suleiman the Great), mysterious (Adzherkha – a giant serpent, the dragon), the ones associated with the Muslim religion (Luqman Hakim – sage, Shaitan – hell, Iblis – gin), animals (Tilke – sly fox, Kashkyr – brave wolf, Yilan – wise snake).

Folklore as means of education contains a huge educational potential to be referred to in the modern educational process, for example in the schools with the Crimean Tatar language as the main language for introducing the national and universal culture. In the future, the Crimean Tatar folklore should become part of each class. In this aspect it is necessary to solve the following problems: collecting the Crimean Tatar folklore, most of which was lost in the period of the deportation; providing students – future teachers – with folkloric material; development of methodology for application of knowledge about oral folk art in the educational process. Only then folklore as a means of education will help restore the moral and personal value of education, as well as personal features based on the tradition of spiritual education of people and the preservation of national identity.

Keywords: education; younger generation; ethnic pedagogics; methodology of ethnopedagogics; Crimean Tatar folklore.

УДК 81.42

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТАФОРЫ В ПРОЗЕ Е.И.ЗАМЯТИНА 20-х гг.

© 2015

Е.И.Асташина, магистр филологии, аспирант направления подготовки
45.06.01 Языкознание и литературоведение (программа «Русский язык»)

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск (Россия)

Аннотация. В данной статье предлагается идея исследования языка прозы Е.И. Замятина 20-х годов в сопоставлении с методом *неореализма* и стилистическими *синтетическими* предпочтениями, теоретически обозначенными и практически реализованными автором в литературно-критических и художественных произведениях (в статьях «О синтетизме» (1922), «Новая русская проза» (1923) и др., в рассказах 20-х годов, в романе «Мы»). Неореализм понимается как категория авторского видения истории развития литературного и общекультурного процесса – как этап этого развития, которому свойственны идейно-проблематическая острота, психологизм реализма и в то же время смысловой и стилистический трансцендентализм символизма. Под синтетизмом полагается художественная форма реализации неореализма.

Проявлением синтетической эстетики прозы Е.И. Замятина объясняются развернутые метафоры замятинского текста, характеризующиеся стремлением к предельной асимметрии своей знаковой формы, максимально редуцированной, и метафоризованного содержания, максимально углубленного, осложненного смысловыми столкновениями – абстрактными проекциями синтагматических отношений лексем прозаического текста автора. Данная синтагматика представляет собой окказиональные сочетания общепотребительной лексики русского языка, рекурсивно трансформирующиеся в метафоре на протяжении текстовых фрагментов произведений Е.И. Замятина того или иного объема.

Так, в статье предлагается один из многочисленных ракурсов лингвистического исследования замятинского текста, подверженного таковому еще не в полной мере.

В самом общем плане язык Е.И. Замятина позиционируется в статье перцептивно усложненным авторской языковой и ментальной оригинальностью, заключающейся и выражающейся в интеллектуальной художественности текста.

В статье сжато оговаривается также терминологический инструментарий, состоящий из лингво-стилистических понятий *язык художественного произведения*, *язык художественной литературы*, *поэтический язык*, *художественная речь*.

Ключевые слова: язык Замятина; рассказ; метафора; образ; концепция; метод; неореализм; синтетизм; синтетический.

Язык Е.И. Замятина – яркое стилистическое явление, изученное не достаточно полно. Писатель чувствует слово и создает оригинальные словесные конструкции из любого языкового материала. Так, автор активно использует терминологические единицы в романе «Мы». Они играют важную роль в сообщении авторской идейно-проблематической позиции. [1, 2, 3]. Ярким психолингвистическим параметром текстового пространства произведений Е.И. Замятина является синестезийность их поэтики [4]. Своеобразие языкового мышления и сознания Замятина эксплицирует новые потенции русского языка. Безусловно, замятинский язык представляет большой интерес для исследователя. Здесь мы рассмотрим некоторые принципы метафоризации, в прозе писателя практически реализующие основные стилистические представления авторской концепции

синтетизма в структуре *неореализма*.

Сложная организация терминологии науки о языке свидетельствует о стремлении ученых тонко обозначить и дифференцировать все понятия лингвистической научной картины мира. Однако нередко неоднозначность языковых фактов при структурировании языковедческих знаний, появление новых терминов в научной метаязыковой системе, одновременное сосуществование малоразличимых понятий и абсолютных синонимов терминологической системы не позволяют с достаточной ясностью осмыслить язык художественного текста.

В процессе изучения языка Замятина неизбежно приходится сталкиваться с многогранностью стилистической терминологии и необходимостью определить собственно предмет исследования – язык Замятина (поэтический, художественный,

литературный?), речь или стиль. Проблема лингвистического анализа прозы Замятина - это верное описание авторского использования русского языка, т.е. *языка художественных произведений* Е.И. Замятина, относящегося к *языку художественной литературы* [5, с.666 – 669], [6, с. 651-657], [7, с.608-609]. При этом, однако, можно оперировать понятием *художественная речь*. Лексико-грамматические значения языковых единиц авторского текста осложнены уже только интенциональностью, намеренным их использованием сообразно идее и/или моменту употребления. Интенциональность же художественного произведения как стенографии внутренней речи всегда состоит в стремлении к наиболее глубокому, экспрессивному и эстетичному выражению мысли (в связи с чем понятие *художественная речь* синонимизирует с термином *поэтический язык* [5, с. 356]). Потому речь писателя художественна. Иными словами, язык художественного произведения - всегда художественная речь.

Художественная речь максимально аккумулирует человеческие знания о мире, объективно и субъективно, предметно и идеальном. Художественное слово – самый «семантизированный» знак с резко ощутимой асимметрией содержания и формы. Замятинское слово стремится к пределу этой асимметрии. Язык прозы Замятина лишен единиц индивидуально-авторского словообразования, словоизменения. Смысловыражение происходит сугубо в лексемах и их комбинациях. «Слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения» [8, с. 18] – слова В.В. Виноградова можно назвать базовой формулировкой специфики замятинской прозы, особенно создававшейся с 20-х годов XX века.

В этот период в художественных, литературно-критических, публицистических произведениях (рассказах, романе, статьях) Замятин создает стилистическую концепцию синтетизма и развивает метод неореализма, положения которых изложены в статьях «О синтетизме» (1922), «Новая русская проза» (1923). Из них становится ясно, что неореализм – метод отрицания отрицания одновременно реалистического и символического прошлого искусства и созидания современного диалектическим синтезом того и другого. Данные статьи составляют своеобразный манифест неореализма. Часть его аргументации, посвященная словесному синтетическому творчеству, раскрывает пути к синтетизму в таких строках: «... *сегодня - на авто - мимо той же колокольни. Миг, выросла - сверкнула. И осталось только: повисшая в воздухе молния на крестом на конце; ниже - три резких, черных - один над другим - выреза в небе; и женщина-береза, женщина с плачущими ветвями. Ни одной второстепенной черты, ни одного слова, какое можно зачеркнуть: только суть, экстракт, синтез, открывающий глаз в сотую секунды, когда собраны в фокусе, спрессованы, заострены все чувства*» [9, с. 170-171]. Обратим внимание на почти полное отсутствие глаголов и смысловую нагруженность каждого знака препинания.

Е.И. Замятин пользуется методом неореализма еще до его публицистического описания. В прозе 20-х годов, используя смысловую потенциал лексических единиц в создании экспрессии и максимально избегая употребления знаковых единиц, писатель уплотняет содержательное пространство своих текстов парадоксальными дистрибутивными столкновениями слов, расширяет лексическое значение и его образность до онтологического. Основным выражением художественной мысли Замятина является метафора, ведь «метафора рождается из конфликта, из той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе» [10, с. 102]. В замятинском тексте, с точки зрения лексемной представленности, можно выделить знаки нейтральной степени образности,

«положительной», и метафорической.

Метафоры отражают суть вещей материального мира, иногда становясь дефинитивными уточнениями: ... *зеркало реки, прозрачный – мост, туго выгнувший спину; [о черве Rhopalocera] тело изорвано болью, выгнуто мостом – тугим, вздрагивающим* [11, с. 63]. Заметной единицей метафорической системы Замятина являются краткие прилагательные, замещающие синтаксическую позицию предиката: ... *все голо, просто, последнее; все сразу вырезано, мгновенно, четко – как во сне* [Там же, с. 69, 68] и т.д.

Замятинская образная метафора служит для выражения человеческих чувств, по природе довольно сложного явления бытия. Неоднократно душевные страдания передаются метафорами с базовым образом сердца. Эта метафора повторяется с незначительными изменениями в романе «Мы» *А у меня в сердце – неприятная, даже болезненная компрессия, связанная с ощущением жалости; В сердце – абсурдная, мучительная компрессия* [12, с. 326]. Она синонимична общелитературному выражению *сердце сжимается от жалости*. При этом образ метафоры Замятина столь же точен, сколь и эмоционален. Образ *болезненной компрессии* полно передает болезненные ощущения внутреннего сжатия от глубоких, но тяжелых, сдавливающих, переживаний до повышения температуры и давления.

Познание первой любви, сильного, кратковременного, но необходимого чувства, во всем своем развитии вмещается в следующей метафоре: *и сердце, жужжа кровью, мчится навстречу – чтобы сгореть, сжечь* [11, с. 89]. Здесь уже актуализируются глагольные метафоры.

Многие метафоры Замятина не подготовлены заранее. Они, как образная вставка в тексте, не взяты из языковой системы, известной читателю, а возникают в процессе освоения читателем метафорического метода писателя.

Обычно, метафора «избегает модификаторов, объяснений и обоснований» [13, с. 27]. В прозе Замятина эксплицирована тайна метафоризации. Так, в комическом контексте рассказа «Икс» ... *все равно - раньше или позже мы узнаем, что там увидел Алешка. А пока об этом можно судить по его лицу: с разинутым ртом и круглыми глазами Алешка походил сейчас на тех беспощадно нанизанных на веревку ершей, которые вчера вечером болтались в дяконовой руке перед окном у Алешки. В еришом виде Алешка простоял ровно столько, сколько ему потребовалось, чтобы к увиденному подобрать рифму (заметьте: рифмой оказалось слово «осечка»)*. Затем он сорвался с веревочки, на которую нанизала его судьба, и помчался на улицу Розы Люксембург [14, с. 96-97] комизм заключается именно в развернутом метафорическом образе, передающем суть внешне аналогичной ситуации. Здесь четко прослеживается комический характер метафоричности. При этом на начальном этапе метафоризации ее сложно отделить от аналогизации. Далее «ершовость» распространяется на вид, форму, чтобы стать фаталистической категорией. Концепция синтетизма объясняет: «... *сегодня, когда точная наука взорвала самую реальность матери, - у реализма нет корней, - он удел старых и молодых старцев. В точной науке - анализ все больше сменяется синтезом, задачи микроскопические - задачами Демокрита и Канта, задачами пространства, времени, вселенной. И явно эти новые маяки стоят перед новой литературой: от быта - к бытию, от физики - к философии, от анализа - к синтезу*» [15, с. 138].

В рассказе «Наводнение» метафоризируются природный и антропоморфный образы. Природная метафора служит для акцентирования эмоционального состояния обманутой женщины. Ср., например: *Так, стеклянно, бесслезно, давя сухими тучами, прошло все лето, и осень шла такая же сухая. В какой-то синий и не по-осеннему теплый день утром задул ветер с моря.*

... она [Пелагея] крикнула Софье: «Ты что же, с ума сошла - сидишь-то? Нева через край пошла, сейчас все затопит» / Софья почувствовала, что эти тучи не за окном, а в ней самой, внутри, они каменно наваливались одна на другую уже целые месяцы - и, чтобы не задушили сейчас, нужно что-то разбить вдребезги, или убежать отсюда... [16, с. 166, 169]. Расширение аналогизации до метафоризации продолжается в течение всего рассказа и, уже в пространственном плане, достигает названия.

Иногда метафора «аномально» трансформируется в сущее абсолютно иной природы. Предельную концентрированность страданий Д-503 от душевной болезни, достигшей стадии диалектического скачка и перешедшую в новое качество, передает развернутая метафора контекста ... это было именно как электрический разряд. Пульс моих последних дней становился все суше, все чаще, все напряженней — полюсы все ближе — сухое потрескивание — еще миллиметр: взрыв, потом — тишина. <...> Быть может, этот «разряд» излечил меня, наконец, от моей мучительной «души» — и я снова стал, как все мы [12, с. 287]. Данная метафора основана на образном обыгрывании свойств и признаков физического понятия электрический разряд. Метафора распространяется общепонятными образами электрических полюсов и их сближения, сухого потрескивания, взрыва. Метафора ассоциируется с общелитературным переносным значением лексемы накали (страстей, боевых действий) 'состояние крайнего напряжения, возбуждения, волнения' [17, с. 358]. Разряд же в метафорическом сравнении контекста Как молниенный, высоковольтный разряд: меня пронзило, скрутило в узел [12, с. 306] получает почти трагическую смысловую нагрузку. Он передает не состояние кардинальных перемен к лучшему, а, наоборот, психическое ощущение ломающей естество боли от неожиданного и потому более мучительного огорчения.

Уже из приведенных контекстов становится понятно, мотивирующей образ замятинской метафоры обычно принадлежит материальному незамысловатому миру. Обыденные вещи Замятин художественно обогащает философской метафорической образностью. В этом заключается эстетика неореализма.

Замятин, романтичный писатель-математик, был вдохновлен открытиями Эйнштейна, которые расширяли границы мира и творческой мысли о нем: «Эйнштейном - сорваны с якорей самое пространство и время. И искусство, выросшее из этой, сегодняшней, реальности - разве может не быть фантастическим, похожим на сон? После произведенного Эйнштейном геометрически-философского землетрясения - окончательно погибли прежнее пространство и время». Само мироздание оказалось предрасположенным к творчеству — стихийному и революционному. «Произошло смещение планов в пространстве и времени» [9, с. 168, 169]. И само бытие в своих мелочах должно было стать основным объектом эстетического созерцания художника: «Отсюда в сегодняшнем искусстве - синтез фантастики с бытом. Каждую деталь - можно оцупать; все имеет меру, вес, запах; из всего - сок, как из спелой вишни. И все же из камней, сапог, папирос, колбас - фантазм, сон. И в сюжетах словесных картин - рядом, в одной плоскости: мамонты и домовые комитеты сегодняшнего Петербурга; Лот — и профессор Летаев» [9, с. 168]. «... Синтез фантастики и быта ... - едва ли не единственно правильные координаты для синтетического построения современности» [15, с. 133]. Метод неореализма, диалектическое единство реализма и символизма, наиболее приемлемый метод для достижения синтетической эстетики в слове.

Смещение планов, пространств можно иллюстрировать метафорами из мира психики. Метафорическая образность создается преломлением

и/или наложением плоскостей внутреннего и внешнего пространств действительности. Осознание, переживание неожиданных спаек этих пространств оставляют эффект параноидальности. Рекурсивные метафоры Трофим Иванович весь сморщился, забился в какой-то угол внутри себя, так молча стоял минуту [16, с. 164]; Я -- в кресле, и, положив нога на ногу, из какого-то «там» с любопытством гляжу, как я -- я же -- корчусь на кровати [12, с. 254] точно описывают состояние нервного расстройства человека. Замятинские синтетические метафоры способны изображать зыбкие формы бытия.

Синтетические метафоры Замятина представляют собой сложные комплексы традиционных и индивидуально-авторских образов и идей, заключенных в сугубо узуальной языковой форме. Синтетическая метафора Замятина интеллектуальна в том смысле, что она удивляет читателя парадоксально понятной абсурдностью изображаемого.

В статье лишь эскизно намечен ракурс изучения прозаического языка Е.И. Замятина. Подобные исследования находятся на начальной стадии своего осмысления. А потому тема исследования оригинального языка Замятина, его метафорической концепции, по нашему, является актуальной и перспективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташина Е.И. Терминология романа Е.И. Замятина «Мы» как предмет лингвистического исследования. / Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых (8 февр. 2013 г.): в 2 ч. / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запелова, А.А. Ширшикова; Уральский федеральный ун-т. Ч.1.: Современные лингвистические исследования. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 203-211.
2. Асташина Е.И. Математическая терминология романа Е.И. Замятина «Мы» в лингвистическом, идеологическом и литературоведческом аспекте. / Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов. В 2 ч. Ч. 2 / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь, 2013. С. 6-8.
3. Асташина Е.И. Художественный опыт гносеологического программирования (на материале романа Е.И. Замятина «Мы»). / Мова і Культура. (Науковий журнал). — Київ: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2013. Вип. 16. Т. IV (166). С. 323 - 328.
4. Асташина Е.И. О конечном и бесконечном романа-синестезии «Мы» Е.И. Замятина / Российско-белорусско-украинские пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 23-24 октября 2014 г.). В 2 — х ч. Ч. 1. Славяноведение в пограничном регионе: Вторые Расторгуевские чтения / Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. 491с.
5. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. 703 [16] с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2006. 696 с.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
8. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. №5. С. 3-26.
9. Замятин Е.И. О синтетизме // Замятин Е. И.

Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2004. С. 164-173.

10. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

11. Замятин Е.И. Рассказ о самом главном // Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. С. 63-93.

12. Замятин Е.И. Мы // Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. С. 211-368.

13. Арутюнова. Метафора и дискурс. // Теория метафоры. Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс,

1990. С. 5-32.

14. Замятин Е.И. Икс // Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. С. 94-110.

15. Замятин Е.И. Новая русская проза // Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2004.

16. Замятин Е.И. Наводнение // Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. С. 157-183.

17. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.

ABOUT SOME FEATURES OF METAPHOR IN YE.I. ZAMYATIN'S PROSE IN THE TWENTIES

© 2015

Ye.I.Astashina, Master's degree in Linguistics, post graduate student
Bryansk State University named after I.G.Petrovski, Bryansk (Russia)

Abstract. The article touches upon the idea of analysing the language of Ye.I. Zamyatin's prose of the 20s in comparison with the method of *neorealism* and stylistic *synthetic* preferences that are defined theoretically and realised in practice by the author in his literary and critical works as well as in fiction (in the articles "About synthetism" (1922), "New Russian Prose" (1923) and others, the stories of the twenties, the novel "We"). Neorealism is understood as the category of the author's comprehension of the history of development of literary and cultural process in general, as the stage of this development which implies actual witticism, psychological character of realism and semantic and stylistic transcendentalism of symbolism. Synthetism is treated as the artistic form of neorealism. Synthetic aesthetics of Ye.I. Zamyatin's prose is revealed in extended metaphors of Zamyatin's works, they are characterized by the aspiration for marginal asymmetry of their sign form, being increasingly reduced, and by metaphorical contents, being totally profound, complicated by semantic clashes - abstract projections of syntagmatic relations between lexems of the prose text of the author. This syntagmatic character is provided with occasional collocations of common Russian vocabulary which recursively transform in the metaphors of Ye.I. Zamyatin's text extracts of different length. So, the article presents one of numerous aspects of linguistic analysis of Zamyatin's text, partial so far. In general, Zamyatin's writing manner is defined as perceptually complicated due to the author's language and mental uniqueness which is expressed in the intellectual artistic value of the text. The article briefly presents terminological toolkit that includes such linguistic and stylistic concepts as *language of work of fiction*, *language of fiction*, *poetic language*, *expressive language*.

Key words: Zamyatin's manner of writing; story; metaphor; concept; method; neorealism; synthetism; synthetic.

УДК 81.282.2

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ САМАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

© 2015

Т. Е. Баженова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, старший научный сотрудник
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье представлены основные этапы развития диалектографии в Самарском регионе. Поволжские говоры в плане лингвистической географии долгое время оставались малоизученными. В целях уточнения лингвистического ландшафта нашего региона самарскими лингвистами была выдвинута идея областного атласа. В разработке этой идеи диалектологи отталкиваются от теоретических установок и практического опыта составителей зарубежных и отечественных лингвистических атласов. Важнейшими итогами многолетней работы являются определение структуры и диалектного членения самарских говоров позднего образования, уточнение лингвистического ландшафта периферийной территории. Максимально объективную картину диалектного ландшафта в самарском Поволжье можно получить с помощью значкового картографирования диалектных явлений в каждом отдельном населенном пункте. Значительным итогом лингвогеографических исследований в Самаре стал опубликованный в 2009 г. атлас, который содержит 63 фонетические и морфологические карты и типологическую карту. В настоящее время идет создание лексического тома областного атласа. Для «Лексического атласа самарских говоров» подготовлено более 60 электронных версий карт по темам «Материальная культура», «Животный мир», «Полеводство и овощеводство», «Природные явления», «Свадьба», «Глагольные слова». В атласе для картографирования лексики применяется значковый метод. Нанесенные на карту значки различной конфигурации различаются цветом заливки. В региональных атласах, составленных как дополнение к общерусскому атласу, разработана оригинальная методика фиксации на лингвистических картах языковых различий, существенных для русских переселенческих говоров. На картах лингвистических атласов находят отражение реалии традиционной материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: диалект; диалектология; русские народные говоры; лингвогеография; изоглосса; лингвистическая карта; переселенческие говоры; научные школы.